Вода неуклонно и стремительно прибывала. Вначале она из большой реки растекалась по большим и малым речкам, ручьям, что впадали в нее. Эти речки, ранее такие говорливые и шумные, струившиеся по каменистым руслам, теперь становились полноводными, замолкали, заполняли водой все ямы, впадины и ползли все дальше в бывшую тайгу, накрывая собой пни от спиленных огромных елей, лиственниц и сосен.

От надвигающейся воды, как от лесного пожара, бежало все живое. Но разве от хищной и коварной воды убежишь? Она незаметно отрезала все пути к отступлению, создавая островки, на которые сгоняла зайцев, белок, бурундуков, мышей, лисиц. Все эти напуганные, мокрые зверьки метались по суше, не понимая, куда бежать и как спасаться.

Многие из них, чувствуя смерть, бросались в воду и плыли среди разного таежного хлама: сучьев, бревен, веток. Они цеплялись за мертвые останки деревьев, иногда взбирались на стволы и, дрожащие от испуга и холода, прижимались к ним, ища последнюю защиту у бывшей тайги.

Но спасения не было. Вода заполняла огромный котлован будущего моря. Ангара, перекрытая плотиной, превратилась с людского согласия в огромного всепожирающего монстра.

Большие звери спасались от воды, так же как и мелкие, бегством. Сохатые, медведи, олени, росомахи, направляемые чувством выживания, бежали к горам. Инстинкт им говорил: там спасение.

Под водой исчезали бывшие речки, ручьи, озера, такие красивые при жизни, а теперь растворившиеся в мутной и грязной воде огромного водохранилища. Отныне эта вода становилась ядом для всего живого. Она впитывала в себя смерть таежных деревьев, смерть многочисленных животных и готовилась отдать эту смерть людям, что считали себя выше природы, создавшей их.

Если животными управлял инстинкт или разум, данный природой, то людьми руководил разум человеческий. Если первый был дан на созидание, то второй служил разрушению.

Люди уничтожали не только природу Земли, но и самих себя. Вот и здесь вода Ангары смыла и унесла в Енисей и дальше то, что построили несколько поколений живших на ее берегах людей.

Ушли под воду деревни, поселки, исчезнет и память о них, но страшнее всего то, что вода, в угоду кому-то, скрыла и уничтожила ту добрую и такую нужную людям атмосферу, ауру, созданную и накопленную не одним поколением людей.

На берегу Ангары уходил под воду старинный сибирский поселок. Построен он был еще казаками, освоившими Сибирь, и вырастил не одно поколение людей, прозывавшихся «ангарцами».

«Ангарцы задним умом крепки», — шутили они сами про себя и стоически переносили все перипетии судьбы от начинаний любых властей, что обратили свой взгляд, по подсказке великого ученого, на Сибирь.

Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа, —

писал тот.

Последователи Ломоносова, виднейшие умы России, нашли этот вход и принялись уничтожать природу, они подсчитали все богатства Сибири, из которых вода составляла даже большую ценность, чем нефть.

Но не рассчитали светлые головы ученых и не приняли во внимание, что вода в Сибири скоро станет ядом для людей и потеряет свою ценность.

Вот и ангарцев выселили с мест их рождения, раскидали кого в город, кого в незатопляемые села и деревни.

В поселке осталось много кошек. Бо́льшую их часть хозяева увезли с собой, но многие были брошены. Когда вода начала заливать сохранившиеся дома, некоторые из них бросились искать спасение на чердаках, их после снимали с крыш спасатели и отвозили на сушу, где они с другими кошками поднимались к возвышенностям.

В рукотворном море образовался остров, это была полоса горного кряжа, выступавшая из воды. На нем скопилось множество животных, начиная от крупных лосей и медведей и кончая мелкими грызунами.

В первую же зиму звери ушли по льду на материк, за ними убежали спасшиеся от потопа соболи, белки, лисы и даже зайцы. Остались только кошки.

Почему они остались? Возможно, потому, что неподалеку под водой было место их рождения, а может и потому, что кошки не любят больших переходов.

Как бы там ни было, но кошки заселили остров. Через несколько лет их одичавшая колония существенно увеличилась. Домашние животные, сбившиеся в стаю, представляют собой угрозу любому живому существу.

Ведь эти животные взяли от человека качества, не принадлежащие их собратьям из природы, которыми руководит инстинкт.

В дикой природе животные не убивают друг друга без причины, для удовольствия. Нельзя называть убийством добывание пищи: есть охотник и есть жертва, выживает сильнейший. Даже борьба за самку может обойтись без убийства.

После того как остров заселили кошки, о нем пошли нехорошие слухи, особенно когда несколько рыбаков, ночевавших там, были найдены убитыми и обгрызенными зверьками.

Кошек невозможно было увидеть, они прятались от людей в расщелинах скал, пещерах, прибрежных зарослях ивняка и небольшой сосновой рощице в центре.

Те, кто бывал на острове днем, рассказывали, что постоянно ощущали на себе их пристальные взгляды, и от этих взглядов становилось не только неуютно, но и нападал беспричинный страх. Всем известна телепатическая способность кошек, а здесь она проявлялась совершенным ужасом.

Люди перестали бывать на острове и прозвали его Островом диких кошек.

Рокосуевых на Ангаре, как Потаповых и Безруких, полно, это самые распространенные фамилии там.

Себя Иван Рокосуев считал сибиряком, а еще вернее — ангарцем. Над уже забывающимися прозвищами ангарцев — «тухлый рыбоед», или «мокчён» — только посмеивался, считая их для себя почетным знаком отличия аборигена.

Родился он в большой семье и всю жизнь прожил в Кежме. Это сибирское село было основано его предками в незапамятные времена, когда села и деревни строились по Ангаре двигающимися на барках промысловыми и государевыми людьми как места стоянок, зимовок.

Строились они как временные, временными и оказались. Нет ничего вечного на этой земле. В те давние времена из Сибири вывозили мягкую рухлядь — меха и шкуры животных, потом пришла очередь полезных ископаемых — золота, нефти, а также леса.

Пришедшая на Ангару промышленность травила животных в тайге, которую нещадно рубили и жгли; в реке погибала и мутировала от сбрасываемых в нее химических и ядерных отходов рыба.

А после пришла настоящая беда. Ангару стали перекрывать плотины, одна за другой. И вот Богучанское болото поглотило, как любят сейчас говорить, малую родину Ивана Рокосуева. Переселили их в соседний район, вниз по реке.

Новое место жительства мало чем отличалось от прежнего — такое же село на крутом берегу Ангары, захламленная, ежегодно горящая тайга, отравленная ядохимикатами вода в реке и погибающая в ней от паразитов рыба.

Деревянные дома на две половины, напоминающие бараки, говорили их хозяевам, что те — гости в этом мире, а обретенная малая родина в любой момент может стать очередной жертвой новых экспериментов над потомками «тухлых рыбоедов».

Вот уже три года, как вода накрыла Кежму, и каждую весну какая-то сила тянет Ивана к этому месту. Он садится в лодку и почти весь световой день мчится на ней к бывшему селу.

Когда на человека нападает тоска, то хочется вернуться в прошлое. Вернуться в те места, где ты родился.

Прошлого нет. Когда ты думаешь, что, вернувшись к своей далекой родине, найдешь там что-то оставленное, забытое, то ошибаешься. Прошлого нет. Ты уезжаешь, а без тебя продолжается жизнь. И это уже чужая жизнь, меняется все. Твоего в прошлом ничего нет, потому что ты забрал его, оно всегда с тобой в воспоминаниях.

Хорошо тому человеку, который может съездить на родину и убедиться в этом, а как быть Ивану, ведь его прошлое находится под водой. Но собрался Иван, проверил лодочный мотор, уложил рюкзак и рванул вверх по Ангаре. Плотину он объехал по суше, его перевез на грузовике знакомый из городка энергетиков.

Очутившись в водохранилище, Иван немного растерялся, он не узнавал тех мест, где когда-то жил, рыбачил, охотился. Пришлось сопоставлять нынешнюю лоцию с прежней. К затопленной родине добрался только к вечеру.

Заночевать решил на острове, он был неподалеку. Он помнил вершину хребта, по которой проходила охотничья тропа. Не единожды в молодости ему приходилось хаживать по ней. Сверху открывался вид на Ангару и поселок, протянувшийся по ее берегу.

Тропа и сейчас тянулась по вершине, ставшей островом, иногда только уходя под воду, а затем снова появляясь.

Причалив к острову и привязав лодку к небольшой корявой сосенке, Иван отправился по тропе, чтобы осмотреться и размять ноги.

Иван слышал, что остров заселили кошки, но к ужастикам, которые рассказывали про них, относился недоверчиво. Поэтому, когда увидел трех котов, выско-

чивших на тропу и принявших угрожающие позы, не испугался, а только удивился их слаженным действиям.

Он был охотником всю жизнь и хорошо знал повадки зверей.

Коты стояли на тропе, приготовившись к прыжку, и синхронно колотили хвостами по земле.

«Как воины какого-то племени из джунглей стучат в барабаны, или как гладиаторы по своим щитам», — подумал Иван.

Он не знал, почему вдруг в нем появилась уверенность, что это именно коты, но он знал, что, будь это кошки, те давно бы уже бросились на него, вцепились бы в лицо когтями.

Кошачьи воины с оскаленными мордами разом перестали шипеть и стучать хвостами, а потом, прыгнув с тропы в заросли, исчезли.

Иван подкатил несколько валежин ближе к воде и разжег костер. На остров и воду тихо опускалась ночь. С пламенем костра она сразу стала темнее. Иван взял котелок и пошел зачерпнуть воды. Та была мутная и на вид вязко-маслянистая, желания пить не вызывала.

Он вспомнил, что на склоне когда-то бил родничок. Вода в нем была приятная на вкус, и к нему тянулись тропки таежной живности. Сейчас родник оказался под водой. Иван подвесил котелок на огонь, чтобы хорошенько прокипятить воду. Он знал, что чай из этой воды будет светлый, сколько ты ни бросай в котелок заварки, а вкус и запах чая эта вода убивает.

Он смотрел, как кипит, бурля, вода в котелке, и вспомнил, что давно в детстве читал сестренке сказку про живую и мертвую воду, и та спросила его:

— Вань, а разве бывает мертвая вода?

— Конечно бывает, вся болотная вода мертвая.

— Но ведь в ней лягушки живут.

— Потому у лягушек и кровь холодная.

Улыбнувшись своим воспоминаниям, Иван принес рюкзак, достал провизию и стал прихлебывать горячий чай из кружки, глядя в темное небо с уже сверкающими звездочками.

От воды тянуло холодом и сыростью. Иван лег спиной к огню, укрылся брезентовым тентом от лодки и задремал.

Он привык проводить вот такие ночи у костра под открытым небом еще с детских лет и никогда не испытывал страха. Ведь страх происходит от чувства вины, а ее Иван не испытывал. Всегда спал крепко, без сновидений, устав за день от физических нагрузок.

Но в эту ночь его одолевали кошмарные видения, словно вся аура острова, пронизанная злобой, пыталась проникнуть в его голову. Вначале он увидел себя откуда-то из звездного неба.

Он спал у костра, и его отгородили полукругом, прижав к воде, множество кошек. Они сидели рядами, защищая свой остров и свою независимость.

Потом, видимо телепатически, кошки прорвались в его голову, и началась карусель из мелькающих человеческих лиц и кошек. Иван видел, как кошки жили у своих хозяев, как те заботились о них, кормили свежей рыбой, ставили перед ними блюдечко с молоком.

Видел, как довольные кошки, мурлыча, терлись о ноги людей, призывая их погладить себя, чтобы избавить от накопившейся негативной энергетики.

Иван вдруг осознал, каким огромным предательством по отношению к животным оказалось это переселение.

И вот теперь те страхи, болезни, ненависть — все то, что кошки вытягивали из людей, огромной черной тучей стало давить на него.

От страшной тяжести и ужаса он проснулся; огонь почти погас, а в слабом свете догорающего костра полукругом мелькали силуэты кошек. Глаза у них светились жуткими огоньками, которых в темноте было великое множество.

Впервые в жизни Иван испытал страх перед природой. Страх был так велик, что он в панике бросился к лодке, оттолкнул ее от берега и широкими взмахами весел погнал в темноту.

Лодка покачивалась как раз над тем местом, где когда-то находился дом Рокосуевых. Этот дом строил еще дед Ивана, в нем родился отец и сам Иван. Дом был рублен из неподсоченных сосен, то есть из сосны не была выжата смола, потому и стоял он почти три человеческих поколения и, может, простоял бы еще не одно, если бы его не затопили.

Где-то там внизу под водой догнивали останки бывших домов. Как бы оправдывая себя, Иван подумал: «А чем лучше было бы видеть среди заросших сорняками полей покинутую, забытую деревню?»

Иван знал, что его дома, в котором он вырос, а после смерти родителей жил со своей женой и детьми, внизу под водой нет, он сам был на пожарище, но сейчас ему казалось, что он там. Стоит как прежде и смотрит на улицу всеми своими тремя окнами сквозь разросшиеся кусты черемухи.

Эту черемуху посадила еще мама Ивана, и он помнил, как в детстве лазил на нее и, сидя на ветках, набивал рот спелыми вяжущими ягодами, обсасывал их, а косточками обстреливал через трубочку пробегавших по улице сверстников.

Знал он и то, что кладбище, на котором похоронены его мама, отец, родственники, перенесено на материк. Но снова ему казалось, что оно там, под водой. Что лежат останки его предков, прикрытые не землей, а толстым слоем воды.

И накатила на Ивана тоска, придавила его тяжестью подобно этой толще воды, и, спасаясь от нее, взревел он нечеловеческим криком, обращенным в небо.

А потом звериный рык перешел в слова, среди которых чаще всего слышалось «прости» вперемешку со слезами. С детства не плакал Иван, а теперь не стыдился слез, они приносили ему облегчение.

«Когда приходишь на могилу к родственнику, думаешь — пусть земля тебе будет пухом, а здесь даже этого не скажешь. Правильно говорят: все из праха создано и в прах должно вернуться», — думал Иван.

Он достал припасенную бутылку водки, налил стакан до краев, половину выплеснул себе в рот, остальное, как полагается, вылил в воду.

Потом лег в лодке и стал смотреть в небо. Он вспомнил слова песни, которую часто напевал его напарник по рыбалке баптист Санек: «Мой дом на небе за облаками…»

«А может, и прав Санек, нельзя построить ничего вечного на земле. И не от человека это зависит.

Может, прав он и в том, что после смерти человек изменится, станет другим и попадет в иной мир, увидит новую землю, которая и есть настоящий дом. А все, что есть сейчас, простая подготовка к вечной жизни».

Иван улыбнулся, вспомнив, как спорил с Саньком Виталя Шипунов, коротавший с ними у костра летнюю ночь.

— Да люди и на новой земле у твоего Бога беспредел устроят, потому как натура у человека такая, чтобы гадить везде и все разрушать. И виноват в этом твой Бог, зачем людей такими сотворил?

— А ты своими детьми всегда доволен, они всегда правильно поступают? Вот и для Бога мы дети неразумные, — отвечал тогда Санек. — Мы на этом свете живем, учимся, готовим себя к новой жизни.

— Красивая это человеческая сказка для утешения и оправдания. Рядом с человеком на земле живут животные, насекомые, птицы, рыбы, и все они живут в согласии с природой. Только человеческая цивилизация направлена на разрушение всего.

Иван забыл обо всем, пригревающее его солнце вдруг заполнило тело и голову сладкой ленью. Не хотелось ни думать, ни шевелиться, только открытые глаза смотрели в синеву весеннего неба.

Вот прямо над ним, распластав крылья, закружили два журавля.

«Опять прилетели, бедолаги, от всей стаи осталась только парочка», — подумал он.

А ведь почти десять лет жили рядом с селом. Вначале появились двое, облюбовали себе поросший травой противоположный берег и важно разгуливали среди травы, показывая из нее только голову на длинной шее.

Никто из сельчан не трогал их, даже старались обходить это место, чтобы не пугать, перестали косить рядом траву, не приближались близко к берегу на лодках, любовались журавлями издали.

И журавли привыкли к людям. В первый год появилось два птенца, потом еще и еще. Журавли прилетали каждую весну на место, где родились, а осенью, собравшись в стаю, покружив над селом и Ангарой, попрощавшись с родиной длинными курлыкающими криками, выстраивались в клин и летели, как говорили знающие люди, в Китай и Японию.

Поднявшаяся вода затопила и родину Ивана, и родину журавлей. Журавли прилетали, долго кружили над водой, не понимая, где же место их гнездования. И вот в эту весну их вернулось только двое.

Они кружились над водой, над лодкой Ивана и так жалобно кричали, что у сурового ангарца щемило сердце и перехватывало спазмами горло.

И вот один из них рискнул и сел в воду, именно там, где когда-то был берег, по которому журавли так важно разгуливали. За ним опустился и второй. Журавли не утонули сразу, били крыльями по воде, тем временем перья их намокали, и конец был неизбежен.

«Наверное, остальные птицы так и утонули», — подумал Иван и завел мотор. Приблизившись к барахтающимся в воде журавлям, он схватил одного, потом другого и забросил в лодку. Те, мокрые и жалкие, даже не пытались взлететь, стояли и покачивались на своих длинных ногах.

«Что же мне делать с вами, а может, взять с собой? Подрежу вам крылья, чтобы не улетели снова топиться, выпущу около моей новой родины, вы тоже привыкнете к этому месту, высидите птенцов, и, глядишь, жизнь вновь вернется на Ангару…»

Иван укутал журавлей в одеяло, спрятал в ящик, завел мотор и, лихо развернув лодку, помчался вниз по Ангаре.